

RU

Поэзия С. Львовой: моделирование светской сакральности на основе транспонированных религиозных мотивов

Большаков А. А., Балашова Е. А.

Аннотация. Цель исследования - систематизировать основные мотивы лирики С. Львовой, моделирующие светскую сакральность современного общества, для чего был использован образ реставрации мира. Научная новизна работы заключается, во-первых, в самом предмете исследования, поскольку творчество С. Львовой не становилось материалом литературоведческого анализа; во-вторых, в выявлении оригинальной черты поэзии - способности «собирать» все окружающие человека реалии на основе онтологического видения мира и места человека в нем. В результате был рассмотрен образ «расколотого мира» как центральный образ в поэзии С. Львовой, выделены и классифицированы основные мотивы лирики, моделирующие светскую сакральность.

EN

S. Lvova's Poetry: Modelling Secular Sacredness on the Basis of Transposed Religious Motifs

Bolshakov A. A., Balashova E. A.

Abstract. The purpose of the paper is to systematise the main motifs of S. Lvova's lyrics modelling secular sacredness of modern society, for which the image of the restoration of the world was used. Scientific novelty lies, firstly, in the object of the study itself, since S. Lvova's creative work has not yet become research material for a literary analysis; secondly, in the identification of poetry's original feature, i.e. its ability to "accumulate" all realities surrounding people based on the ontological view of the world and man's place in it. As a result, the image of the "split world" has been considered as central in S. Lvova's poetry, the main motifs modelling secular sacredness in her lyrics have been identified and classified.

Введение

«Транспонирование религиозных мотивов» (Гринберг, 1975, с. 112) для создания неомифа в современной русской поэзии – частотное явление. Они глубинно связывают творчество ныне живущих поэтов с русской культурой. Православие как доминирующая форма религиозного исповедания среди творцов русскоязычной поэзии становится «знаком приближенности к духовному и этическому абсолюту в его русском варианте» (Снигирева, Подчиненов, 2011, с. 106).

Актуальность исследования. Данная работа посвящена творчеству малоизвестного на данный момент поэта, требующему изучения и популяризации. Мы провели комплексный анализ мотивов поэзии, что позволило, с одной стороны, сделать вывод об индивидуальном стиле поэта, с другой – поставить вопрос о сущности творческой позиции многих поэтов с подобной репутацией «религиозного автора», что, несомненно, поможет в создании современных поэтических классификаций. Актуальным для науки представляется изучение книги стихов С. Львовой как целостного текста с сознательной коммуникативной направленностью – как на внутреннюю логику развертывания лирического сюжета (сцепление, склеивание расколотого мира), так и на читателя, воспринимающего этот сюжет.

Задачи исследования: рассмотреть образ «расколотого мира» как центральный в лирике С. Львовой; опираясь на метафорический образ «расколотого мира», проследить пути решения его восстановления; классифицировать основные мотивы в лирике: собирание всего живого вокруг Текста, восстановление Слова; уточнить и углубить мотив собирания семьи, рода как основополагающий для моделирования религиозной сакральности.

Методы исследования. В методологическом отношении работа является историко-литературным исследованием с элементами междисциплинарного подхода, с использованием целостного и мотивного анализа художественного текста.

Теоретическая база. Решение поставленных задач стало возможным благодаря теоретической базе, представленной трудами, которые посвящены описанию светской религиозности (Снигирева, Подчиненов, 2011), современной поэзии (Лейдерман, 2002; Артемова, 2020; Радионова, 2019). Проведенное исследование опирается на концепцию мотивного анализа М. Л. Гаспарова (2001).

В настоящий момент не существует ни одного монографического исследования по теме.

Результаты исследования, проведенного в настоящей статье, могут быть использованы в научно-исследовательской и преподавательской деятельности в вузах гуманитарного направления при изучении спецкурсов и спецсеминаров по русской литературе, по курсам «Анализ лирического стихотворения», «Интерпретация художественного текста», связанным с изучением становления и развития поэзии XX века, что составляет практическую значимость исследования.

Основная часть

Для убедительной «реставрации» расколотого окружающего мира калужская поэтесса Света Львова в сборнике «Elle s'appelle... Ее имя...» обращается к религиозной концептосфере, выстраивая систему художественных образов, и к христианской аксиологии, наделяя сакральным значением феномен семьи в постхристианскую эпоху, когда вместо фундамента мировой дом пытается устоять на ходулях, как и традиционные некогда стабильные мифы бинарного мира. Всё значимое в поэтическом мире С. Львовой скрепляется ассоциируемыми с золотым веком ценностями христианской религии, но лишь через «оперирование религиозными концептами» (Радионова, 2019, с. 377), их транспарацией, что не делает поэзию религиозной, как не делает религиозными людей употребление библейских фразеологизмов. В поэтическом мире С. Львовой нет места формальной религии, но есть место сакральному, которое выражается с помощью известной «матрицы священного» (Роднянская, 1989, с. 128) христианской внеконфессиональной культуры. Религия в художественном мире поэтессы – это religare – соединение тех самых лоскутков в одно одеяло, восстановление целостности кусочков из тех нитей, которые прошивают ткань мироздания Львовой. Можно сказать, что это религия вне понимания системы «кодифицированных норм» (Лейдерман, 2002, с. 6). Реставрацию мира Света Львова (2001) начинает с восстановления рода. Человек – хоть и уникальный, единственный, но все-таки осколок рода, если он не найдет связи с себе подобными, то обречет себя на уничтожение. У поэтессы есть чувство семьи, «болит корней причудливый орнамент» (с. 18). Не доводилось ранее встречать стихотворения, где так много было бы родственников и по крови, и по душе: баба Оля, «дедулюсенька», баба Паня, сестра Танька, кукла Катя, но главное – папа. «Папа знает все». Папа уверен, что ты «никогда не умрешь», «пусть папа еще немного побудет счастливым» (с. 23). Как герой стихотворения Г. Айги, строки которого взяты эпитафией к циклу «Кто там?», Света Львова проверяет, есть ли она, «учитывая начало крови» (с. 23). Но мы помним, что было в начале. Семейная дочерняя любовь превращается в истинную дочернюю любовь к Богу Отцу и матери Церкви, становящейся воплощением женского начала: «К желтому солнцу воздев / раненные сосцы, / церковь в низине лежала, / а голуби выше – в небе летали, / как храм...» (с. 74).

Истинная Церковь именно там, где голуби – в мире горнем, откуда приходит Святой Дух, «как голубь» (Мф. 3:16). «Птичья метина» музы Светланы Львовой, которая, как и постоянно повторяющиеся образы шва, шрама, метки, не убирается, потому что все, что связано со светом, воздухом, небом, в поэзии неуничтожимо.

Обращение к своему роду Света Львова (2001) превращает в обращение к роду человеческому: «Мы с тобой похожи, поскольку едина плоть...» (с. 80).

Единство плоти – распространённый образ скреплённого Богом нерушимого союза людей в христианской культуре (Сенчин, 2011) (ср.: «Ибо никто никогда не имел ненависти к своей плоти, но питает и греет ее, как и Господь Церковь, потому что мы члены тела Его, от плоти Его и от костей Его. Посему оставит человек отца своего и мать и прилепится к жене своей, и будут двое одна плоть. Тайна сия велика; я говорю по отношению ко Христу и к Церкви» – Еф. 5:29-32, см. также параллельные места в Мф. 19:5-5, 5; Быт. 2:24; 1Кор. 6:16; 1Кор. 7:10-11). Этот образ связан с образом брака и семейными взаимоотношениями жениха-Христа и невесты-Церкви, образующих единое тело Христово, состоящее из многих членов христианской общины вселенской Церкви.

Собирать человеческий род, по С. Львовой, нужно через прощение (вспомним здесь притчу о заблудшей овце, ради которой приходит на землю Добрый Пастырь, чтобы восполнить своё стадо: «Но Он сказал им следующую притчу: кто из вас, имея сто овец и потеряв одну из них, не оставит девяносто девяти в пустыне и не пойдет за пропавшею, пока не найдет её? А найдя, возьмет её на плечи свои с радостью и, придя домой, созовет друзей и соседей и скажет им: порадитесь со мною: я нашёл мою пропавшую овцу. Сказываю вам, что так на небесах более радости будет об одном грешнике кающемся, нежели о девяносто девяти праведниках, не имеющих нужды в покаянии» – Лк. 15:3-7). Болят шрамы, отделившие непрощенную, отединенную от целого душу: «И кто-то весь в белом отрежет ножом / Тебя от меня, но останетя шов – / По белому белый – во весь белый свет, / А мы не заметим, что нас уже нет» (Львова, 2001, с. 44).

Останутся изолированные существа, а нас не будет. Эти слова – о единстве двоих на фоне рода. Любящие соединены так крепко, что даже если связующее разрезать, все равно срастется. Только тогда это будет любовь. Суть ее как раз в том, чтобы досотворить себя до Божьего замысла: преодолев самость, стать родом. С. Львовой используется евангельский образ зерен винограда («Я есмь лоза, а вы ветви; кто пребывает во Мне, и Я в нем, тот приносит много плода; ибо без Меня не можете делать ничего» – Ин. 15:5): ягод много,

но гроздь одна – целая, и целостность эта достигается единством в любви, ведь «любовь и есть объединяющий всех Бог» (1Ин. 4:7-8).

Люди знают несколько способов существования. Можно, например, жить, как в землю зерно сажать (и снова это сравнение отсылает нас к евангельской притче о сеятеле: «Вышел сеятель сеять семя свое, и когда он сеял, иное упало при дороге и было потоптано, и птицы небесные поклевали его; а иное упало на камень и, взойдя, засохло, потому что не имело влаги; а иное упало между тернием, и выросло терние и заглушило его; а иное упало на добрую землю и, взойдя, принесло плод сторичный. Кто имеет уши слышать, да слышит!» – Лк. 8:5-15 и Мф. 13:3-23; Мк. 4:3-20). Тогда мы прорываем оболочку, кладем семя, выравниваем землю, а потом зерно прорывает поверхность. При этом виде сосуществования даже во имя благих целей все вынуждены разрушать. Но можно существовать по-другому, а именно как ягоды в грозди: это единство множества миров, которые любят друг друга, друг в друге отражаются, а без этого единства «не могут творить ничего» (Ин. 15:5).

Так же отражаются друг в друге два дома Светы Львовой (2001): один – «протекающая чужая крыша», «утлый дом», одинокий и сиротливый, другой – дом истинный, для которого нет материальных пределов: «Мой дом одновременно здесь и где-то...» (с. 39). Воля каждого – выбирать, в каком доме жить. И здесь также видится отсылка к евангельской притче о строительстве двух домов на камне и песке («Итак всякого, кто слушает слова Мои сии и исполняет их, уподоблю мужу благоразумному, который построил дом свой на камне; и пошел дождь, и разлились реки, и подули ветры, и устремились на дом тот, и он не упал, потому что основан был на камне. А всякий, кто слушает сии слова Мои и не исполняет их, уподобится человеку безрассудному, который построил дом свой на песке; и пошел дождь, и разлились реки, и подули ветры, и налегли на дом тот; и он упал, и было падение его великое» – Мф. 7:24-27), а также к странствующему Граду Божьему блаж. Августина – поэтесса пишет своё евангелие о священных для себя истинах, используя реминисценции и аллюзии (подр. см.: Балашова, Каргашин, 2021, с. 48), хорошо знакомые с детства даже неподготовленному читателю.

Человек ко всему приспособился: отомкнулся от других, но разлуки не изведал; покинул Дом – но удовольствовался маленьким домиком; наплодил сирот, забыв о своем сиротстве (но сиротство это недолгое, ведь сказано: «Не оставлю вас сиротами, приду к вам» – Ин. 14:18; и ещё: «Придет час, когда отнимется у них жених, и тогда будут постыжены дети жениха» – Мф. 9:15). Мы прибрались в своей квартирке («Когда нечистый дух выйдет из человека, то ходит по безводным местам, ища покоя, и, не находя, говорит: “возвращусь в дом мой, откуда вышел”; и, придя, находит его выметенным и убранным; тогда идет и берет с собою семь других духов, злейших себя, и, войдя, живут там, – и бывает для человека того последнее хуже первого» – Лк. 11:24-26, что, возможно, и происходит в поэтической вселенной Светы Львовой, где в дом не впускают стучащегося), поставили квас (райская или фарисейская закваска (Лк. 12:1)?) и пирог в духовку, вышили крестом полотенце – и никакое «тук-тук» не помешает нашему наслаждению («Се, стою у двери и стучу: если кто услышит голос Мой и отворит дверь, войду к нему, и буду вечерять с ним, и он со Мною» – Откр. 3:20). Мы ему вряд ли откроем. Может быть, в этих закрытых дверях есть утверждение того, что в поэтическом мире, сшитом по религиозным лекалам, всё-таки не место институциональной религии, да – дом, семья, род, человек – сакральны, но сакральность эта внецерковная, и Бог здесь не персонифицирован, и святость – в каждой вещи семейного быта. Наполненный вещами – типа жидкости «Фейри» или троллейбуса № 5, – мир Светы Львовой лишён суетности. А всё потому, что в подобранных деталях окружающего мира она легко угадывает наши личные, пришедшие или из детства, или какого другого счастья (а может, и несчастья), но тоже торжественно переживаемые: пропыленное чердачное окно, разорванные бабушкины бусы, «заглубинное солнце вина»... Но и этот огромный мир вокруг может стать крошечным, редуцироваться до ничто без другого огромного мира, того, что внутри. Поэтому со Светой Львовой (2001) роднит понимание чужих слез, которые нельзя раздать, и чувство, когда «двери распахнув, вбегают в дом – / и видят вдруг, что все о чем-то плачут...» (с. 60).

Света Львова любит людей, и эта любовь позволяет ей брать чужую боль как свою. Часто такое отношение, несмотря на всю его естественность, бывает трудно принять, как слишком дорогой подарок. А когда однажды распахнутые, разведенные в стороны руки становятся жестом отчаяния, в них по привычке бросаются в объятия.

Теперь становится понятным, что значит, когда стихотворения называются личными. Все стихи Светы Львовой – о ней, но все – больше автобиографии. По ощущению безусловности и данности это – точно стихи. Ими невозможно обмануть: произнесены только те слова, на которые есть право, но – главное! – за которые несешь ответственность. И опять-таки неизменное чувство: стихи – её, а ты чувствуешь – о тебе. Так С. Львова собирает внутренний опыт людей.

Первый раздел книги называется «Сквозь водоросли времени». У С. Львовой (2001) из «водорослей» вырастает время и пространство. «Водоросли» – это ощущения, чувства, маленькие знания и небольшие открытия, сквозь которые мы пробираемся к интуитивному знанию, так как настоящего знания на земле получить не дано: «Сквозь водоросли к истине, кто вы...» (с. 39). Поэтому, когда Светлана Львова пишет: «Я выброшена, как волна из моря...» (с. 40), – понимаешь, что она часть всего пространства, целого времени. Стало быть, неправда, что она «дочь» только «отгороженных ей времён» (с. 40). Не просто «дочь», а «блудная дочь»: уходит, возвращается, прощение просит и прощение получает (ср. притчу о блудном сыне Лк. 15:11-32).

«Ты в ответе за тех, кого приручил» – эта теперь уже почти неинтересная, «замученная» фраза у Светланы Львовой оживает буквально: ты в ответе за жизнь того, кого вскормил. С. Львова (2001) собирает природу, становясь всему матерью. При этом не только очеловечиваются животные, но и «оприродниваются» люди: «Я тихо *вылупляюсь* из личинки / моей судьбы...» (с. 28).

Женщине нужно каждодневно «быть практичной», но при этом не забывать о вечном (а ведь последнее слово всей книги – «вечность»). «Все времена на свете про любовь...» (Львова, 2001, с. 29) – только настоящая женщина, та, которая вырастает из «вечной жертвенности», знает об этом. Только настоящая женщина может быть хорошей матерью.

Когда говорят: «У человека большое сердце», – это вовсе не метафора. Иначе как бы уместились в нем все, кого мы любили и любим? Любовь никогда никуда не уходит, она всегда с нами, ее нельзя прожить, потерять или забыть. Света Львова в каждом сердце собирает главные чувства.

Реставраторский долг и тяжелейшая материнская ноша – найти еще живое, согреть, накормить. Это дар – обнаруживать жизнь почти по звериному чутью; находить по признаку родства, большего, чем кровное, живую душу, вскармливать ее молоком, как настоящего детеныша: «И я, обернувшись волчицей лесной, / чужого ребенка найду под сосной, / вскормлю его горьким своим молоком – / того, кто владеет моим языком» (Львова, 2001, с. 65).

Мать дает жизнь не только с молоком, она дает жизнь с языка – первые звуки колыбельной, первые слова (вот почему «род», и «рот», и «родина» связаны у С. Львовой (2001)): «...на ушко шептала, песчинки считала / да львенка питала / своим молоком...» (с. 65).

С. Львова (2001) собирает жизнь: человека к человеку, людей к животным, а всех – людей и животных – к агнцу, образ которого вбирает в себя всё лоскутное богатство библейского материала: «Я хлеб замешу из колючей сухой травы, / чтоб агнец, убитый тобою, остался жив» (с. 40). Здесь мы видим переключку с ветхозаветным пасхальным агнцем, который съедался с хлебом и горькими травами (Исх. 12:8), ставшими у поэтессы «колючими».

Если читаешь: «Когда бы прослыть я посмела / лесной беззащитной букашкой... / иль шла на закланье барашком, / невинной не пряча главы» (Львова, 2001, с. 72), – то знаешь, что это не только о жертвенности или невинности, но и о нерастроченной любви: «...ягненок взгляды, а в чаше хлеб и кровь – / все это про любовь...» (Львова, 2001, с. 29).

Любовь и слово (Логос), замешанные в жертвенной чаше, молоко и кровь вместе (вопреки запретам Исх. 23:19; Втор. 26:2) напоминают о Ребенке. Ягненок почти везде у Светы Львовой (2001) сопоставляется с детством: «Под детские взгляды овец / кровавыми кажутся звуки» (с. 30). Или: «...внук Авраама / смотрит печально, как будто дитя иль зверь» (с. 11). Нам только кажется, что дети могут чего-то не понимать, а у них есть мудрость, есть знание боли и жертвы, полученное, согласно христианскому преданию, на Предвечном совете о сотворении человека и его искуплении через боговоплощение (ср.: Быт. 1:26; Евр. 10:7-10; Ин. 3:16): «Как будто бы снова младенец орет / то дикое слово, что знал *наперед*, / когда в материнской утробе томясь, / был сам себе узник и сам себе князь» (Львова, 2001, с. 57).

Ребенок просто не знает, до чего он не дорос. У него еще нет опыта. А старики часто понимают, что опыт не имеет значения, пренебрегают им. Оттого-то ребенок нередко похож на старика («ветхий днями» из пророчества Дан. 7:9): «Там младенец с ликом старика / будет волчье лыко нам вязать...» (Львова, 2001, с. 59).

Лоскутки, картинки, из которых создается расколотый мир, у Светы Львовой (2001) все больше детские: свистульки, добрый волк, качели, молоко, дикие яблоки, льдинка на языке. Ей чувство детства «привито вместо оспы» (с. 36). Иначе и быть не может: кто же, если не «реставратор», будет думать о детях, искупать отвергнутые возвращения блудного дитя: «Дождь прошел, как беда, / Как никем не прощенный ребенок» (с. 58).

С. Львова (2001) не раз говорит, что измеряет жизнь «детским первородным криком» (с. 36) – тем криком, который раздается в самом начале, в момент рождения. А еще в самом начале было Слово, и «Слово было у Бога, и слово было Бог» (Ин. 1:1). Слово – Иисус Христос, сын невидимого Бога: как невидима и не осознана другими твоя мысль до тех пор, пока она не превратится в слово, так и идея Бога могла казаться абстрактной до тех пор, пока ее не явило высказанное в плоти Слово – Сын Отчий (Олливье, 1994, с. 206). В мире Светы Львовой (2001) соединяются слово и Бог, ребенок и Бог, ребенок и кровь, ребенок и молоко. Молоко – это ведь тоже то, что бывает в начале. А потом молоко вновь становится словом: «Прости мне колючие звуки, что пьешь с молоком...» (с. 34).

Язык «колюч», не всегда внятен и нелегко дается ребенку. Материнское слово принадлежит земной женщине, но рождено оно Единым Словом, включающим все слова. Оно нелегко дается и поэту, вот почему кажется, что С. Львова (2001) помогает собирать Слово: «Пусть придет к нам живое слово / и потрется о наши ноги, / как бездомный рыжий котенок, – / мы нальем молока ему в блюдце» (с. 10).

Но «реставратор» расколотого мира Света Львова восстанавливает и Текст. Текст – это та ткань, вне которой слово не может жить, то, что «держит слово» (Артемова, 2020, с. 51). Светлана Львова (2001) иногда пересоздает текст: в ее литературном пространстве живет новая Татьяна с новым письмом Евгению («Евгению»), новое вслед за Жуковским («Там небеса и воды ясны...») и позднее у Цветаевой («Увези меня туда...») очарованное «там», оставшееся в детстве («Город»), а также Кибиров, Пушкин и Шекспир. Текст, как и жизнь, собирается тяжело: из «тишины и путей кривизны» (с. 62), из «неуклюжих звуков» (с. 62), катающихся «во рту языком» и еще не оформившихся: «Я пока не готова, и мне еще не слышно, / как краснеет рябина во мне и почем синева / этой ветреной осени» (с. 62).

Процесс рождения звука Света Львова (2001) описывает не логически, а, скорее, физиологически – опять как мать, для которой важен физиологический процесс рождения и роста ребенка: «Язык, немотствуя, цепляется за небо – / так просит неба каждая букашка / так взламывает ключ кору земную» (с. 50).

Он, как и рождение всего живого, сопровождается кровью, болью, взламыванием. Томление от ожидания рождения может быть долгим и мучительным, его не всегда питает и серафим: «Ходят ангелы лениво / По слепому полукружью / Недописанной строки <...> / Ты не знаешь, я не знаю, / где не сходит кривая, / не слагается строка» (Львова, 2001, с. 7).

Когда звук все-таки появляется, он, такой долгожданный (и «кривая», и «полукружья» – это напоминание о радуге, воротах, Вратах, а значит, не могут пониматься негативно), разочаровывает: «...звуки тесны, как вещи». Звук не может не разочаровать, как и все, что уже произошло. Разочаровывает и слово, так долго искомое: «Слово корявей коры. / Словом притронусь – / на небе царапины» (Львова, 2001, с. 10).

Нам не дано то Слово, оно только у Бога, поэтому поиск его – всегда трагедия. Но если букв – «корявенькая сыпь» (Львова, 2001, с. 12), если речь – «сто седьмая разновидность лени» (Львова, 2001, с. 61), если бесполезно искать рифму «к слову нелепому жизнь» (Львова, 2001, с. 61), может быть, тогда лучше молчать, тем более, это только «все твердят, что слова произносят не зря, / а друг друга не слышат» (Львова, 2001, с. 11)? Думается, что бессловесность в восприятии С. Львовой (2001) – понятие неоднозначное: «Открытая, как рана, / с подиума, с экрана / сходит к нам Немота – / непрошеною вестью, / с бабочкою на месте / пропитого креста» (с. 9).

Немота – такое состояние души, когда слова не нужны (ты наполнен «непрошеной вестью»). Но это – только с одной стороны. С другой – Немота там, где нет Слова, а вместо него – пустота, причем оба начала связываются в одном человеке. И все-таки стремление к слову заложено в душе и как потребность, и как невозможность иного пути, как безвыходность. Поэтому оно жжет и мучит, но не может не произноситься: «Но поперек / его судьбы легли / мои слова, как в небе знак, / как детский шрам на лбу» (Львова, 2001, с. 36).

Здесь Света Львова задумывается над воздействием слова на читателя: она, может быть, и не хочет причинять боль другому, чужому человеку, но ее слова оставляют отпечаток, заставляют останавливаться и заражаться ее болью. Происходит столкновение, удар, рана, перед этим мы бессильны, как перед знаком в небе. Поэтому-то про Светлану Львову говорят, что она провоцирует любовь к себе. В каком-то смысле это высказывание очень точно. Шрам через сравнение со словом становится воплощенной С. Львовой (2001): «Я на правильном белом живу речевой ошибкой. / И откуда меня не исправили красной чертой, / сладко верить в прекрасную ложь нескончаемой речи, / презирать афоризмы...» (с. 70).

Об этом шраме она знает сама, потому что не только она его оставляет. Но и на ней оставляют шрамы другие люди, пролетающие кометы и птицы – все. Отсюда презирирование застывших афоризмов и любовь к слову – бесконечному движению. Слово-шрам не просто живет, оно переживается, оно всегда напоминание о боли: «Я перечеркнута болью. Зигзагом / острую молнию нарисовали, / будто бы кожу змеи. Полушагом – / полуползком из нее выскользаю, / но не могу... Как мне нужен помощник...» (Львова, 2001, с. 28).

Заключение

Выводы. Несмотря на очевидную связь с христианской культурой, Света Львова остается поэтом XX века, знающим реалии времени, чующим современника. Опираясь на свой творческий и жизненный опыт, она переосмысливает Библию, напоминая читателю о вечном и неизменном пути каждого, о сомнениях, духовных обретениях, о любви.

Полученные результаты показали, что образ «расколотого мира» становится центральным в лирике С. Львовой. Восстановление этого метафорического «расколотого мира» возможно, если прибегнуть к светской религиозности, сделав сакральными образы дома, семьи, рода. Были классифицированы основные мотивы в лирике: собирание всего живого вокруг Текста, восстановление Слова – так была уточнена модель собирания разных поэтических мотивов в целом – моделирование религиозной сакральности.

Перспективы дальнейшего исследования. Результаты исследования, проведенного в настоящей статье, могут дополнить картину, связанную с изучением становления и развития поэзии XX века, прежде всего в аспекте моделирования светской сакральности.

Источники | References

1. Артемова С. Ю. Лирические жанры сегодня. Тверь, 2020.
2. Балашова Е. А., Каргашин И. А. Анализ лирического стихотворения. М.: Наука; Флинта, 2021.
3. Гаспаров М. Л. О русской поэзии: анализы. Интерпретации. Характеристики. СПб.: Азбука, 2001.
4. Гринберг И. Л. Три грани лирики: современная баллада, ода и элегия. М.: Советский писатель, 1975.
5. Лейдерман Н. Л. Траектории «экспериментирующей эпохи» // Вопросы литературы. 2002. № 4.
6. Львова С. М. Elle s'appelle... Её имя... Книга стихов. Калуга: Полиграф-Информ, 2001.
7. Оливье С. Полемика между Полем Клоделем и Анри Жидом по поводу образа Иисуса Христа в творчестве Достоевского // Евангельский текст в русской литературе XVIII-XX веков: цитата, реминисценция, мотив, сюжет, жанр / отв. ред. В. Н. Захаров. Петрозаводск: Изд-во Петрозавод. ун-та, 1994.
8. Радионова А. В. Лиро-философский метатекст в русской литературе. Смоленск: Изд-во Смолен. гос. ун-та, 2019.
9. Роднянская И. Художник в поисках истины. М.: Современник, 1989.
10. Сенчин Р. Персонаж и человек // Литературная Россия. 2011. № 39.
11. Снигирева Т. А., Подчиненов А. В. От согласия - к спору: библейский эпиграф в русской литературе XIX-XX веков // Ученые записки Забайкальского государственного университета. Серия «Филология, история, востоковедение». 2011. № 2 (37).

Информация об авторах | Author information**RU****Большаков Андрей Александрович¹****Балашова Елена Анатольевна²**, д. филол. н., доц.^{1,2} Калужский государственный университет им. К. Э. Циолковского**EN****Bolshakov Andrey Alexandrovich¹****Balashova Elena Anatolevna²**, Dr^{1,2} Kaluga State University named after K. E. Tsiolkovsky¹ *bolshakovandrew@list.ru*, ² *balashova_ea@mail.ru***Информация о статье | About this article**

Дата поступления рукописи (received): 02.02.2022; опубликовано (published): 31.03.2022.

Ключевые слова (keywords): русская поэзия; лирика XX века; идиостиль поэта; Библия; С. Львова; Russian poetry; XX century lyrics; author's individual style; Bible; S. Lvova.